

Изабелла Юрьева называла ее Зажигалкой

Всех Москва - 2004 - 24 февр. - с. 4.

**ЗАВТРА
В ТЕАТРЕ «РОМЭН»
БЕНЕФИС НАРОДНОЙ
Артистки России
ИРЭНЫ МОРОЗОВОЙ**

■ Ольга МОЗГОВАЯ

...Ужасно хотелось, чтобы она мне погадала! Представляете, как небанально: обычно нас цыганки донимают — осаждают, чтобы погадать, а тут сама иду к природной цыганке и с порога — бух: здрасте-погадайте! Вместо поздравлений-то.

Хотя неприлично, наверное, приставать к известной артистке, звезде театра «Ромэн» и эстрады?

В общем, пока я думала-гадала, как бы поэлегантней ввернуть мою дерзкую просьбу, оказалось, что мы уже полчаса болтаем как две закадычные подружки! О кошечках, собачках, блинах, пирогах, жареных гусях, детях, внуках, мужьях... И прочем нашем, девичьем. И как это она меня так «развернула», заговорила, что я сама не заметила?! Ой, без цыганского колдовства тут явно — не обошлось...

О кошках и мастерстве

Така-а-ая обаятельная! Бывает, встречаешься с актрисами, в жизни встречаешься, «на предмет интервью», а от них, таких добрых-милых на сцене или экране, просто холодом несет! Не подходит! Пальцы веером, что ты...

А вот от нее, Морозовой, — просто тепло какое-то исходит, сила горячая, нежность, энергетика! Даром что сидим обе, закутавшись в шубы: что-то холодновато нынче вечером в ЦДРИ, где у нее была репетиция, и где только и смогла ухватить артистку, потому как жизнь распланирована по часам и минутам — в преддверии бенефиса. Да и вообще, а не только по поводу концерта...

Но все правильно: им без силы, энергетика и обаяния нельзя! «Им» — в смысле артистам. Хотя и цыганам, разумеется.

— Ах, какой был артист у нас, ты его, наверное, не застала,

не видела у нас в «Ромэне»! Слушай, он спиной стоял к залу, спиной! А в зале — в обморок женщины падали, я тебе говорю! Падали! Та-а-кая от него исходила сила мужская, такая мощь, такая энергия... Ай, ну, где они теперь, такие мужики?! Нет, вот смотрю иногда в сериалах, кино — бандиты, да? Артисты, да? У них тоже энергетика хватает, но! Злая, темная, нехорошая. А вот так, чтобы у женщины дух захватывало, — нет, нет и нет! И не говори мне!

А я и не говорю, и не спорю. Просто сижу, развесив уши — вот, играет! Сейчас в свою кошку обожаемую, Фиру, перевоплотилась. Показывает, как та ходит, как ее встречает, как разговаривает с ней...

Смотрю — кошка. Ну, чистая кошка!

— Я ее за пять рублей в метро, в переходе, купила. Трехцветная. А это — к счастью, знаешь, да? Принесла домой... А у нас до этого пес был — ой, какой пес, какой пес! Ну, Кером звали. Отравили, злые люди... Нет, не буду, а то заплачу! Принесла кошку, а она вот так села, вот так посмотрела...

Далее следует непереволимый на бумагу этюд «как она смотрела». Абсолютное перевоплощение!

Колыбельная для сына

...В общем, так она мне и не погадала. А зато спела! Нисколько не чинясь, вполголоса напела свою «Колыбельную», которую когда-то написала для сына:

Сов, дэвэс гара суто!
Сов, пал вэш раткирла
кха моро...
Сов, черик лорэ гара сутэ,
закэр о якхорья ты рэ,
Закэр о якхорья
мро чаворо...

Что по-русски звучит примерно так: «Спи, день давно заснул, за лесом спит уже солнышко, и птички все уснули давно, закрой

глазки свои скорей, засни мой сыночек!»

...Да. Вот переложил на бумагу, а это слушать надо! Не прикинь к бумаге чувство. И то, что она песню «написала», — тоже не совсем верно, потому что она не пишет, она их рождает, они приходят к ней сами, «по-цыгански», как выражается, как все песни этого удивительного народа.

Из воздуха, из травы, из колеи степной, проложенной-проезженной старой цыганской кибиткой...

— А я ездила, ехала... Помню, на всю жизнь помню! Мы тогда на Волге были, в Балаково, в войну. Мне два, три года, а я плясала, пела, деньги зарабатывала!

Набираюсь нахальства и спрашиваю, а как же в театр попала — прямо оттуда, извините, «из-под кибитки»?

Ирэна Борисовна чуть-чуть обижается:

— Ну да! Я же в инязе уже училась, на французском отделении!

Пардон. Что пардон, то — пардон.

— У нас знаешь, какая семья была?! Бабка моя наполовину цыганка, а наполовину аристократка, та-а-кие там страсти были в позапрошлом веке, такая любовь! Князь Меркуловы, известная фамилия русская, так что у меня в крови тоже намешано, а какая мама у меня была — ой! Не очень хотела, чтобы я артисткой сделалась, хотела, чтобы хорошее образование... Ну, да от судьбы-то не уйдешь.

Ив Монтан вместо «Невечерней»

Не уйдешь, это верно. А все-таки на прослушивании в «Ромэне» Ирэна пела не что-нибудь, не таборную песню, не «Невечернюю» знаменитую, а песенки-шансоны Ива Монтана, по которому тогда сходила с ума вся Москва. На французском,

естественно, демонстрируя отличное произношение!

— Да, пришла, спела... И меня взяли. И в тот же вечер — иди на сцену, играй! Как?! А вот так: одевайся, и вперед, в две шеренги: танцуй, пой, пляши! Как Бог на душу положит... Ты цыганка? Вот и играй!

Но это — массовка, понимаешь, да? А потом уже роли пошли — большие, главные. Тут уже одного цыганства мало, мало... Помню, один режиссер мне говорит на репетиции: ты откуда?! Из мясной лавки?! Как играешь?! Не умеешь!

Ах ты, думаю. Ну я тебе покажу. И тихо-тихо, никому не сказала, поступила в ГИТИС на вечерний: и училась, и играла. А потом ему, тогдашнему главному режиссеру тому, диплом: вот, читай! Из какой-то лавки «из-под кибитки»?

Ирэна Борисовна чуть-чуть обижается:

— Ну да! Я же в инязе уже училась, на французском отделении!

Пардон. Что пардон, то — пардон.

— У нас знаешь, какая семья была?! Бабка моя наполовину цыганка, а наполовину аристократка, та-а-кие там страсти были в позапрошлом веке, такая любовь! Князь Меркуловы, известная фамилия русская, так что у меня в крови тоже намешано, а какая мама у меня была — ой! Не очень хотела, чтобы я артисткой сделалась, хотела, чтобы хорошее образование... Ну, да от судьбы-то не уйдешь.

Комплимент от великой Женщины

...Вот говорят: у актеров жизнь цыганская, кочевая. Вдвойне, втройне применимо это, сами понимаете, к ней, Ирэне Морозовой. Уже много-много лет в ее жизни рядом театр и эстрада. И как самое дорогое хранит в памяти дружбу свою с Изабеллой Юрьевой, великой Изабеллой!

— Она мне говорила: «Ах, Ирэночка, если б ты пела тогда, ТО-

ГДА! Как бы тебя любили, какие бы тебе подарки дарили!» Я пела ее песни, ей нравилось. Она шутница была! «Ирэночка, ну неужели у вас нет любовника?!!» Я ей: «Что вы, Изабелла Даниловна! Как можно!» Ну, шутила, конечно, что ты, не все-рез, они с Юрочкой, с мужем моим, большими друзьями были... А сама — ах, какая это была великая Женщина, если б ты знала, Оля! До самого конца! Пленительная, удивительная! Говорит: «Ты, Ирэночка, Зажигалка! Зажигаешь, заводишь!» А на самом деле мне иногда в концертах говорят: будешь первой. Но первой в данном случае никто не хочет быть, потому что это очень трудно — первой, зал еще «холодный», никакой, еще не все уселись-расселись, а ты — выходи и пой, и раскошегаривай...

Иду! Мне главное — быть на сцене!

...Ну, это-то ей, по-моему «на раз». Раскошегарить, зажечь, завести! И завтра, на сцене своего «Ромэна», которому отда-ла... ах, не будем лишним раз напоминать-уточнять, сколько лет жизни! — Ирэна Морозова встретит гостей старинным, но вечно юным, зажигательным, немеркнущим, незабвенным, исконно-цыганским!

«За дружеской беседой,
коль пир идет кругом,
Примеру дедов следуя,
мы песню вам споем...»

И рефреном будет эта «Величальная» сопровождать весь ее творческий вечер, который так и называется «За дружеской беседой», а звучать там, разумеется, будут старинные цыганские и русские песни и романсы, а участвовать будут артисты театра, гости и друзья Александра Стрельченко, Леонид Серебренников, Лариса Курдюмова и Зинаида Кириенко, Евгений Дога, Эдуард Лабковский, артисты Вахтанговского театра и солисты ансамбля Моисеева и др.

Счастья вам, Ирэна! Бахт-с-типэн, иначе говоря...